

ДЕПАРТАМЕНТ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
И ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
КОРРУПЦИИ
ГОРОДА МОСКВЫ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМ. А. С. ПУШКИНА

Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети
как объект научного и экспертного анализа»
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

**Фундаментальная
лингвистика и проблемы
судебной экспертизы:
социальные сети как объект
научного и экспертного
анализа**

Сборник научных работ по итогам
Международной научной конференции
**«Фундаментальная лингвистика и проблемы
судебной экспертизы: социальные сети как
объект научного и экспертного анализа»**
(Москва, 5–6 октября 2021 г.)

Москва
2022

УДК 81
ББК 81
Ф 94

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Редакционная коллегия:

П. А. Катъшев, доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И. В. Огорелков, кандидат филологических наук, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

А. В. Горбачева, научный сотрудник лаборатории когнитивных и лингвистических исследований, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Рецензенты:

А. Н. Баранов, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН;

М. А. Осадчий, доктор филологических наук, вице-президент Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ)

Ф 94 **Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа: сборник научных работ по итогам Международной научной конференции «Фундаментальная лингвистика и проблемы судебной экспертизы: социальные сети как объект научного и экспертного анализа» (Москва, 5–6 октября 2021 г.) [Электронный ресурс]. – Москва : Государственный институт русского языка, 2022. – 445 с.**

ISBN 978-5-98269-260-3

Статьи посвящены исследованию актуальных вопросов лингвистической теории и экспертной практики в отношении вербальных правонарушений, совершаемых в цифровой среде. Представлены работы об исследовании вопросов лингвистической семантики и дискурс-анализа социальных сетей в приложении к задачам лингвистической экспертизы, разработки и применения методов лингвистической диагностики и идентификации цифровой личности, достижений, а также внедрения компьютерной, когнитивной лингвистики и психолингвистики в судебно-экспертную практику.

УДК 81
ББК 81

ISBN 978-5-98269-260-3

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2022

доктор филологических наук, профессор Поволжского православного
института имени Святителя Алексия, митрополита Московского
Тольятти, Россия

«РУЖЬЕ СНОВА РИСКУЕТ ВЫСТРЕЛИТЬ»: К ПРОБЛЕМЕ СНЯТИЯ ДВУСМЫСЛЕННОСТИ В МАКРОКОНТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема неоднозначности семантической интерпретации высказывания в спорном тексте. Констатируется, что выявление семантических трансформаций высказывания происходит в макроконтексте, который формируется на основе интра- и экстралингвистического контекстов.

Ключевые слова: текст, интерпретация текста, контекст, макроконтекст, семантические трансформации высказывания.

Современные представления о тексте базируются на очевидном для всех исследователей постулате: текст – явление многоплановое, сочетающее в своей природе признаки лингвистического, культурологического, семиотического, когнитивного и коммуникативного феномена, что обуславливает трудности в его восприятии и интерпретации (о тексте как объекте пересечения исследовательского интереса различных гуманитарных наук – у В. Е. Чернявской) [17: 11–17]. Объективная многосторонность понятия «текст» препятствует выработке его строго фиксированных, научно обоснованных дистинктивных признаков.

Однако среди общих параметров текста наиболее частотно выделяют вербальный, синтаксический и семантический. При этом, как отмечает Цветан Тодоров, вербальный параметр характеризует совокупность отдельных предложений-высказываний, синтаксический – взаимоотношения между частями текста, а семантический параметр определяет глобальный смысл целого текста (цит. по [5: 19]). Категорию семантики считает основным стержнем текста и Г. В. Колшанский [8: 62]. Такая типология базовых признаков текста, на наш взгляд, при всей ее условности соответствует уровневой организации текстового целого. При этом, однако, трудно не согласиться с И. Р. Гальпериным, что «в тексте системность еще только нащупывается» [5: 20].

Исследование семантического уровня текста предполагает различение трех важных семантических параметров, о которых пишет И. Р. Гальперин: это значение, определяемое в морфемах, словах, словосочетаниях, син-

206 | таксических конструкциях; смысл, относящийся к уровню предложения и сверхфразового единства, и содержание, характеризующее информацию, заключенную в целостном тексте [5: 20]. Очень важно учитывать при этом, что смысл высказывания не выводится из механического сложения значений составляющих его компонентов, а соответственно содержание текста не определяется простой суммой смыслов. Хотя, согласно Н. Д. Арутюновой, «...мысль не может быть выражена в языке иначе, как в форме предложения» [1: 16], смысловое наполнение предложения в конкретном тексте в силу своей потенциальной вариативности не позволяет говорить об абсолютной содержательной завершенности данной единицы. Соответственно, смысловая определенность высказывания формируется только в макроконтексте целого текста, и только в отношении текстового целого можно говорить о коммуникативной завершенности. По образному выражению В. Б. Касевича, предложение «существует в речевом и ситуативном «вакууме» [7: 96]. Аналогичную мысль встречаем и у И. Р. Гальперина: «Смысл по своей природе не коммуникативен или же коммуникативен потенциально (он требует амплификации). Содержание по своему назначению коммуникативно. Поскольку оно обладает признаком завершенности» [5: 21]. Тем более эти замечания относятся к слову, которое под воздействием микро- и макроконтекста реализует одно из своих потенциальных значений или вовсе приобретает особый окказиональный смысл. Об этом и у Н. С. Валгиной: «...рождение общего смысла представляет собой процесс выбора именно этого необходимого для данного контекста значения, т.е. необходимого для получения искомого смысла целого высказывания. Значит, именно смысл актуализирует в системе значений слова ту его сторону, которая определяется данной ситуацией, данным контекстом» [4: 244]. Роль контекста как условия раскрытия значений языковых единиц подчеркивает и Г. В. Колшанский: «Непременным условием раскрытия значений языковых единиц должен рассматриваться контекст на уровне всего текста, представляющего собой некоторую завершенную коммуникацию...» [8: 66].

Н. С. Валгина семантические трансформации (или приращения смысла) слова и предложения-высказывания как единиц текста связывает с различием поверхностного и глубинного смысла текста [4: 244], И. Р. Гальперин – с дифференциацией линейной и супралинейной информации в тексте [5: 46], З. Я. Тураева рассматривает текст, сочетающий вертикальную и горизонтальную модели текстопорождения, как глобальную структуру, включающую глубинную и поверхностную структуры, имеющие сложные, разнонаправленные отношения, которые «не могут быть истолкованы как отношения тождества означающего и означаемого или как отношения асимметрии двух сторон языкового знака» [16: 58].

Эти отношения, как представляется, обусловлены интегративными отношениями внутри структуры текста: между линейными последовательностями языковых единиц и текстовым целым, связывающим единицы разных уровней, задающим вектор общей модальности и формирующим речевую системность единиц именно на текстовой плоскости, отличную от языковой системности, которая основывается на ценности и значимости каждой единицы языка (об этом – у М. Н. Кожинной) [15: 347].

Кроме того, своеобразие функционирования языковых единиц в структуре текста необходимо связать и с разными видами информации, имеющими дифференцированные формы представления в тексте (как эксплицитные, так и имплицитные). Е. В. Падучева отмечает: «...во всяком тексте, помимо эксплицитно выраженной информации, есть такие сведения, которые не содержатся в нем в явном виде и, тем не менее, имеются в виду говорящим и воспринимаются слушающим...» [13: 60]. Традиционно, вслед за И. Р. Гальпериным, исследователи, как правило, выделяют 3 вида информации в тексте: содержательно-фактуальную, содержательно-концептуальную и содержательно-подтекстовую [5: 27–28]. Сложные формы взаимодействия этих видов информации внутри структуры текста, иллюстрирующие сложность взаимоотношения поверхностной и глубинной структур текста, обеспечивают семантические приращения языковых единиц и тем самым формируют проблему понимания структурных параметров текста читателем, который должен обладать достаточно объемным тезаурусом фоновых знаний, жизненным опытом, литературной эрудицией, выработанным навыком критического отношения к прочитанному и т. д.

В ракурсе затрагиваемой в данной статье проблемы нас интересует в большей степени подтекстовая информация и возможности экстерииоризации подтекстовых значений. Относя подтекст к глубинному уровню смысловой структуры текста и характеризуя его как скрытую информацию, исследователи пытаются объективировать данный феномен, наделяя его собственно лингвистическими и прагматическими свойствами. Так, И. Р. Гальперин, считая подтекст имплицитным по своей природе, характеризует его как чисто лингвистическую категорию, «выводимую из способности предложений порождать дополнительные смыслы благодаря разным структурным особенностям, своеобразием сочетания предложений, символическим языковым фактам» [5: 44]. При этом в понимании И. Р. Гальперина эксплицитное (буквальное) и имплицитное (подтекстовое) находятся в отношении тема (буквальное, данное) – рема (подтекстовое, новое). Кроме того, буквальное (поверхностное) содержание, обусловленное значениями входящих в высказывание словесных знаков, может входить в противоречие с глубинным (подтекстовым) смыслом (находиться в оппозиции к буквальному сообщению). Очень важно при этом учитывать, что подтекст может формироваться

208 | двумя различными путями: через приращение ассоциативных компонентов значения (например, через фоновые знания, символику языкового знака и т. п.) и с помощью внутрискруктурных приращений (из соотношения и связи смыслов внутри текстового целого). Если первый вид подтекстовой информации (ассоциативная СПИ – по И. Р. Гальперину) более неопределенен, расплывчат и в большей мере зависим от коммуникативного и читательского опыта адресата, то второй вид подтекста (ситуативная СПИ – по И. Р. Гальперину) детерминирован взаимодействием микроконтекстов – сказанного ранее со сказанным в данном автосемантическом отрезке текста. Это обеспечивает условия для вполне объективного выявления подтекстового содержания – с опорой на внутритекстовые (по законам текстовой когезии) взаимодействия речевых континуумов.

Однако выявление текстовых импликатур в большой степени зависит от тезауруса читателя, и главное – от его способности аналитически воспринимать текст (его поверхностную и глубинную структуры в их взаимодействии). Исследователи в этом случае говорят о двух уровнях понимания: языкового (первичного, кодового) содержания текста и глубинного, ситуационного (вторичного кодового) содержания [10: 98]. И чем богаче и разнообразнее читательский тезаурус, тем более определенными для него становятся полифонические взаимодействия языковых знаков и проявляются очертания глубинного, параллельного поверхностному содержанию текста. Это особенно актуально для экспертной практики, когда в ракурс научного исследования попадает спорный текст, неоднозначно трактуемый сторонами судебного разбирательства (об этом также у М. А. Осадчего) [12].

Таким образом, сочетание разных видов информации в тексте, влияние интеграционных отношений между единицами поверхностной структуры, сложные полифонические взаимодействия между языковыми знаками в структуре текста и влияние на них общего смысла и общей модальной тональности создают условия для формирования двусмысленности в тексте, которая снимается различными факторами (как экстралингвистическими – в случае ассоциативных приращений смысла, так и собственно лингвистическими – внутритекстовыми).

Двусмысленность, а иногда и полисемантичность могут и должны быть сняты в процессе коммуникации для обеспечения осмысленного и достоверного общения, а в рамках конфликтной коммуникации – для принятия обоснованного судебного решения.

Одним из лингвистических условий однозначности коммуникации в современных исследованиях признается контекст, который «создает целый и однозначно понимаемый смысл», а сам текст приобретает контекстно-смысловую завершенность, т.е. «определенную совокупность атомарных

смыслов-фраз, достаточную для установления семантической определенности каждой из них» [8: 63].

На наш взгляд, свойством контекстно-смысловой завершенности в большей степени обладает макроконтекст, который связывает через средства внутри-текстовой когезии объединенные тематически и содержательно фрагменты текста, устанавливая интегративные отношения между ними и целым текстом. Если на лексическом уровне двусмысленность снимается достаточно ограниченным набором средств контекста (обычно в рамках микроконтекста), то интерпретация истинного смысла высказывания или фрагмента текста происходит через более усложненные операции – с опорой на достаточно объемный набор контекстных средств и, как правило, в рамках макроконтекста (включая при необходимости и контекст сверттекста – [9]). Учет макроконтекста сверттекстового целого (в медиакommunikации сверттекст формируется объединением нескольких взаимосвязанных тематически, содержательно, персонально и ситуативно текстов) необходим в том случае, если тексты развивают одну тематическую линию, диалогизируя или полемизируя друг с другом, образуя единую коммуникативную ситуацию и, как следствие, единый семантический континуум. В такой сверттекстовой структуре семантические лакуны заполняются через соотношение микрознаков, относящихся к разным частям текста или разным текстам, но приобретающих единый общеконтекстуальный смысл, в соответствии с которым высказывание наделяется реляционными характеристиками в рамках единого макроконтекста.

Данная проблема и описанный выше механизм ее разрешения становятся особенно актуальными в случае обращения к цифровой медиакommunikации, в которой понятие «текст» с неизбежностью должно коррелировать с гипертекстовой природой и креолизованной сущностью текста. В связи с этим общение в условиях цифровой коммуникации и требование установления семантической определенности высказывания в полисемиотической среде интернета диктует расширение понятия макроконтекст через включение в него не только самих текстовых структур, но и широкого спектра паралингвистических компонентов (составляющих экстралингвистический и паралингвистический контекст – по Г. В. Колшанскому), интертекстуальных отсылок и гиперссылок (в случае гипертекстовой природы цифрового текста). Об обязательном учете данных факторов при проведении лингвистической экспертизы цифрового текста говорил в своем интервью в журнале «Судья» председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам проф. М. В. Горбаневский [6].

Эти разнонаправленные факторы (интра- и экстралингвистические) формируют особого рода архитектуру контекстуально-текстовой системности, не сводимую только к иерархическим взаимодействиям разноуровневых языковых знаков на поверхностном уровне текста, базирующуюся на зако-

210 | не целостности контекста на всех уровнях и этапах его развития (включая предтекст, текст и посттекст).

В качестве иллюстрации приведенных выше положений обратимся к конкретному экспертному случаю. В поле экспертной деятельности лингвиста попал текст, размещенный на одном из информационных порталов, в котором стороны имеющего уже длительную историю конфликта пытались через суд оспорить одну из ключевых фраз данного текста: *Ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*. При этом стороны (автор текста и главный персонаж, являющийся объектом критики журналиста) обнаружили диаметрально противоположное понимание смысла искомой фразы. Если депутат N увидел в данной фразе угрозу, то журналист, реализовавший в данной фразе свой лингвокреативный потенциал и метафорически обыгравший реальное происшествие, случившееся с депутатом четырем годами ранее, вкладывает в эту фразу вполне фактуальный смысл, не выводимый из значений микрознаков, а актуализированный внутри единого сверткста. Для снятия возникшей двусмысленности и формирования контекстно-смысловой завершенности оспариваемой фразы потребовалось обращение к макроконтксту. Макроконткст данной публикации включает, прежде всего, лингвистический контекст – два взаимосвязанных тематически текста (оба текста посвящены деятельности N – как политической фигуры и одного из главных менеджеров крупного предприятия), которые составляют особое сверткстовое единство – предтекст и собственно анализируемый текст. Кроме того, при анализе оспариваемой фразы спорного текста необходим учет не только лингвистического, но и экстралингвистического контекста (фоновых знаний о ситуации в городском пространстве, его известных общественно-политических и медийных персон, сложившихся отношений между ними и к ним – со стороны городского сообщества и др. факторов).

Оба текста, образующие целостный лингвистический контекст для неоднозначно понимаемой фразы, объединяются не только содержательно-тематически, но и единой авторской целеустановкой – подвергнуть критике известного в городе политика, устранившегося от решения серьезных проблем (гибель людей на одном из крупных заводов) в угоду менее существенным и значимым (таким как закрытие неработающего ресторана) и озабоченного в большей степени поддержанием собственного политического имиджа. Кроме того, данные тексты объединяются общей модальной рамкой – одинаковым (ироническим) отношением автора к описываемой ситуации, поскольку основной стилиевой доминантой обоих текстов является ирония как стилистический прием и одновременно вид комического повествования, в котором критическое отношение к объекту (депутату N) облекается в форму иронического осмеяния (об иронической тональности как наиболее частотной характеристике спорных текстов, попадающих в поле зрения лингвистов-экспертов, пишет

А. М. Плотникова) [14: 44]. При этом дискурсивный режим иронии (термин А. Н. Баранова [3]), выбранный автором, существенно снижает силу негативной оценки «героя» текста, окрашивая его фигуру иронически-саркастически-ми тонами, тем самым снижая его образ в глазах читателей и одновременно указывая «на «несерьезность», нарочитый характер речевого поведения» самого журналиста [3]. При этом иронический эффект возникает, прежде всего, из выбранного автором ракурса – через нелепый факт ранения на охоте, который становится основным лейтмотивом сверхтекстового единства (проходит сквозной нитью через оба текста, вариативно повторяясь, обрастая ироническими по своей тональности деталями), через призму которого подается в текстах вся другая информация.

Ирония задает и жанровые характеристики обоих текстов – сочетание признаков разных жанров (таких как фельетон, реплика, шарж и сатирический комментарий), относящихся к группе художественно-публицистических жанров. При этом доминантную жанровую основу анализируемого сверхтекстового единства составляет сатирический комментарий.

Ирония реализуется в анализируемом сверхтекстовом единстве различными средствами, с помощью которых в пространстве текстов создается карикатурный образ политика N: 1) иронично обыгрывается место, куда ранен депутат (эвфемистическая замена якобы неудобного слова, открыто названного в заголовке – *ягодица* – «*место, которое позже полиция назвала ногой*»); 2) две версии ранения – официальная, по сути являющаяся несуразной и в подтексте содержащая авторскую насмешку («*По официальной версии, ружье, прислоненное к дереву, выстрелило в кандидата само, под воздействием ветра*») и неофициальная («*По неофициальной информации, “эсера” ранил бывший с ним на охоте “единоросс”. По слухам, товарищ из соседней партии был нетрезв и перепутал N с уткой*»). Неофициальная версия также основана на комичности ситуации. Хотя, как показал анализ словоупотребления, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ, газетный корпус) встречаются примеры подобных ранений, ср.: «*Он нечаянно прострелил себе ягодицы и попал в больницу*» [В Башкирии прокурор перепутал судью с козудей и застрелил // lenta.ru, 2017.11.17], или «*16 октября сотрудник отдела полиции № 24 в Каменске-Уральском прострелил себе ягодицы из собственного охотничьего ружья*» [В Москве ревнивый силовик устроил поножовщину // lenta.ru, 2017.10.29]; 3) обыгрывание темы выстрела ружья под воздействием ветра в ироничном контексте, ср.: «*ружье, прислоненное к дереву, выстрелило в кандидата само, под воздействием ветра*» – «*ветер, видимо, холодит бывлые раны, и депутат ищет поводы напомнить о себе*» – «*что заставило N, так сказать, взять оружие в руки*» = начать борьбу с неработающим рестораном – «*ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*»; 4) иронические аллюзии: 1) «*но ветер...холодит бывлые*

212 | раны» (отсылка к широко известной песне из сериала «Д'Артаньян и три мушкетера»); 2) «полученная главой региональных эсеров травма весьма неудобна, и агитировать в ближайшее время ему, возможно, придется исключительно стоя» (отсылка к широко известной комедии Л. Гайдая «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»). Данные средства создают дополнительный к лингвистическому паралингвистический контекст употребления анализируемой фразы, учет которого необходим для определения однозначного, контекстуально обусловленного смысла фразы.

Чтобы определить смысл оспариваемой фразы (*Ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*), требуется восстановить всю логико-семантическую цепочку внутри континуума текста: 1) в 2020 году N не сможет участвовать в выборах, поэтому он ищет повод напомнить о себе в обществе через обращение к актуальной в городском сообществе теме; 2) эта тема – деятельность известного в городе ресторана, поэтому депутат N разрабатывает эту актуальную тему – выдвигает претензии к деятельности ресторана, требуя его закрыть; 3) этот шаг, по оценке автора текста, не имеет смысла, т.к. ресторан уже не работает; 4) поэтому депутату N нужен новый информационный повод вновь напомнить о себе в городском сообществе (как и 4 года назад, когда во время выборов случился первый эпизод с ружьем, описанный в первом тексте – предтексте). Такова внутренняя логика развертывания мысли внутри текстового целого, образующего единый лингвистический макроконтекст. Исходя из прослеженной семантической связи между объединенными цепочечной связью фразами в пределах единого текстового целого, можно определить смысл последней в цепи фразы (*Ружье снова рискует выстрелить в N под воздействием ветра*): «N будет искать новый информационный повод заявить о себе» (как и 4 года назад, когда во время выборов случился первый эпизод с ружьем, описанный автором в первом тексте).

Итак, выявление данной имплицатуры, являющейся ремой (подтекстовой информацией) по отношению к теме (буквальному содержанию высказывания), осуществляется через обращение к лингвистическому контексту единого свертхтекста и дополняется ироническими коннотациями, формируемыми в рамках экстралингвистического контекста, входящего в макроконтекст данной статьи. И хотя в данном случае связь между логико-семантическими звеньями, соответствующими изложенным в тексте фактам, не эксплицирована, эта связь и выводимый из нее однозначно понимаемый смысл порождены, прежде всего, лингвистическим контекстом, основанном на внутривидовых приращениях по законам текстовой когезии внутри единого свертхтекста.

Выводы. Снятие двусмысленности и достижение однозначности в понимании текста достигается анализом всего коммуникативного комплекса с уче-

том взаимодействия лингвистических и экстралингвистических факторов и обязательно в условиях макроконтекста. Только весь текст (а в цифровой среде – свёрхтекст в совокупности с гипертекстовыми ссылками) может дать надежное объективное основание для однозначного понимания и интерпретации отдельной фразы, тем более в конфликтной ситуации, когда стороны судебного разбирательства неоднозначно понимают оспариваемый текст.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Изд. 5. М.: URSS, 2007.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Баранов А. Н. О дискурсивных режимах использования оценочных слов и выражений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2016». URL: <http://www.dialog-16.ru/media/3382/baranov.pdf> (дата обращения: 15.08.2021)
4. Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. М.: Логос, 2003. 280 с.
5. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 7-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 144 с.
6. Горбаневский М. В. Русский язык приспособился к специфике информационных цифровых технологий и начал диктовать условия обращения с ним в интернете // Журнал «Судья». № 10, 2020, октябрь. URL: <http://www.zhurnalsudya.ru> (дата обращения: 17.08.2021).
7. Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988. 309 с.
8. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. Изд. 3-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 152 с.
9. Купина Н. А., Битенская Г. В. Свёрхтекст и его разновидности // Человек–Текст–Культура: коллективная монография / под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: ИРРО, 1994. С. 214–233.
10. Лейкина Б. М. К проблеме взаимодействия языковых и неязыковых знаний при осмыслении речи / Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности. Вып. 2. Л., 1974.
11. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3-х т. Т. 3. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2014. 1360 с.
12. Осадчий М. А. Русский язык на грани права: Функционирование современного русского языка в условиях правовой регламентации речи. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 256 с.
13. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 4-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2004. 288 с.

- 214 | 14. Плотникова А. М. Конфликтная коммуникация в аспекте судеб-
ной лингвистики: [монография] / А. М. Плотникова; М-во образования
и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург, Москва: ТХТ,
2017. 197 с.
15. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под
ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
16. Тураева З. Я. Лингвистика текста: Текст: Структура и семантика: Учеб-
ное пособие. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. 144 с.
17. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекс-
туальность, интердискурсивность. Учебное пособие. М.: Книжный дом
«ЛИБРОКОМ», 2009. 248 с.

Marina A. Vengranovich

**«THE GUN RISKS AGAIN TO SHOOT»: TO THE PROBLEM
OF REMOVING MEANING IN MACROCONTEXT**

Abstract. The article deals with the problem of ambiguity in the semantic interpretation of a statement in a controversial text. It is stated that the identification of semantic transformations of an utterance occurs in the macrocontext, which is formed on the basis of intra- and extralinguistic contexts.

Keywords: text, interpretation of the text, context, macrocontext, semantic transformations of an utterance.